

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОСНОВА РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

Коннова Е.В.,

доцент кафедры международного права БГУ, к.ю.н.

Справедливость – неотъемлемое свойство права, что позволяет последнему служить надлежащим параметром справедливости при разрешении спора между конкретными субъектами. Это верно и для международного права, особенно учитывая специфику правотворческого процесса в международном праве, в котором нормы создаются добровольно теми, поведение которых и регулируют. Сами субъекты правоотношений, создавая регулирующие их нормы, соглашаются с их справедливостью. В этом случае логично, что любое основанное на международном праве решение при надлежащем его применении должно быть справедливым и служит достижению справедливости для субъектов международного права.

Из этого следует, что любое решение международного суда по определению должно быть справедливым. Такая логика, однако, не учитывает споров, которые могут быть переданы в суд и которые касаются отношений, не подпадающих под конкретные правовые нормы. Тезис об имманентной справедливости решения, основанного на международном праве, не учитывает также возможности устаревания международно-правовых норм или случаев, когда их создатели не предусмотрели особых обстоятельств, в которых применение таких норм приведет к несправедливому результату. И если имеющиеся принципы не позволяют вынести справедливое решение на основании права, встает вопрос о возможности применения судом справедливости *contra legem* (лат. – против закона). В случае же неурегулированности отношений международным правом возникает вопрос: может ли суд применить справедливость *praeter legem* (лат. – в дополнение к закону) или же он должен объявить *non-liquet* (лат. – неясно) и отказаться от вынесения решения по спору.

По мнению Ф. Франчиони, практика Международного Суда ООН (далее – МС ООН, Суд) допускает применение справедливости *praeter legem*. В качестве примера такого применения итальянский юрист-международник приводит решение Суда по делам о континентальном шельфе Северного моря (ФРГ против Дании, ФРГ против Нидерландов, 1969 г.). В них МС ООН, хоть и указывает, что применяет справедливость как «часть международного права», но по сути данное утверждение Суда является, с позиции этого ученого, «риторическим приемом», тогда как на деле Суд прибег к справедливости для заполнения пробела в праве [1]. Полагаем все же, что

дела о делимитации континентального шельфа, рассмотренные МС ООН, включая дела о континентальном шельфе Северного моря, не являются надлежащим примером применения справедливости *praeter legem*. В соответствующих спорах Суд применял справедливость как норму, закрепленную в позитивном международном праве, то есть разрешал эти споры в рамках права. И хотя не все судьи всегда были согласны с тем, что Суду это удалось, по крайней мере, очевидно, что именно к справедливости *infra legem* (лат. – в рамках закона) МС ООН стремился в этих делах.

Следует отметить, что в большинстве случаев, когда отсутствуют нормы международного права, прямо и непосредственно регулирующие те или иные отношения, справедливое урегулирование спора *infra legem* остается осуществимым. Это возможно благодаря существованию в международном праве набора принципов, помещаемых под общее название «справедливые принципы» [1], таких как: принцип добросовестности (*bona fide*), эстоппель, недопустимость злоупотребления правом (*abuse of right*), неосновательного обогащения (*unjust enrichment*), принцип должной осмотрительности (*due diligence*), принцип пропорциональности, доктрина чистых рук (*clean hands*) и др.

Что касается справедливости *contra legem*, то, по мнению некоторых ученых, в ее применении также нет объективной необходимости. Общие формулировки, используемые в международном праве, оставляют большую долю судейского усмотрения и позволяют таким образом выносить справедливые решения, основанные на праве. Применение таких техник, как ограниченное толкование одних принципов и широкое толкование других в свете требований справедливости, позволяет принимать решения, которые хотя и мотивированы справедливостью, но основаны на толковании и применении права [2].

Тем не менее, невозможно утверждать, что на каждый вообразимый случай существует норма международного права, позволяющая достигнуть всецело справедливого решения. Утверждения об абстрактном характере всех норм международного права, позволяющем выносить любые решения, кажущиеся с точки зрения судьи справедливыми, отличаются волонтаризмом и не соответствуют идеям правовой определенности и прозрачности международных отношений. И хотя судьи действительно воздерживаются от провозглашения *non-liquet*, стремясь найти применимые правовые нормы, это не означает, что не может возникнуть ситуации, когда спорные вопросы действительно не будут урегулированы международным правом или когда его применение приведет к несправедливому результату.

В этой связи вопрос о полномочиях суда на применение справедливости *praeter legem* и *contra legem* является актуальным. Ответ на этот вопрос в отношении МС ООН прямо дается в его Статуте. Ст. 38 п. 2 предусматривает, что предписанное в п. 1 постановление о применении международного права «не ограничивает право Суда разрешать дело *ex aequo et bono*, если стороны с этим согласны». Право разрешать дело *ex aequo et bono* (лат. – по добру и справедливости) «подразумевает достижение компромисса, примирения и решения в порядке дружественного урегулирования» [3]. *Ex aequo et bono* предусматривает возможность применения справедливости как *praeter legem*, так и *contra legem*.

Разрешение спора *ex aequo et bono* не следует путать с разрешением спора на основании принципа справедливости по смыслу ст. 38 п. 1 в рамках международного права. Объясняя это «очень деликатное различие» [4, с. 277] в решении по делу о континентальном шельфе (Тунис против Ливийской Арабской Джамахирии, 1982 г.), МС ООН указал следующее.

Решение *ex aequo et bono* МС ООН может вынести только при условии, что стороны на это согласны (ст. 38 п. 2 Статута), «и в этом случае Суд освобождается от строгого применения юридических норм, для того чтобы осуществить надлежащее урегулирование» [5, с. 46]. В рассматриваемом же споре задача у Суда была совершенно иной. «Суд был обязан применить принципы справедливости в качестве части международного права и соотнести различные факторы, которые он сочтет относящимися к делу, чтобы достичь справедливого результата. В то время как понятно, что не существует строгих правил относительно точного веса, который следует придавать каждому элементу дела, это очень далеко от осуществления дискреции или проведения согласительной процедуры» [5, с. 46].

Проводя различие между решением спора *ex aequo et bono* и решением на основании международного права, их также не следует полностью противопоставлять друг другу. Решение спора по добру и справедливости не исключает применения норм международного права, а дает простор иным соображениям, не основывающимся на праве, и возможность его дополнения или отхода от него. Решение по добру и справедливости вполне может совпасть с тем, которое было бы вынесено на основе применения международного права. Однако если в случае решения спора по п. 1 ст. 38 справедливость норм международного права не требует обоснования, то при решении спора по п. 2 ст. 38, Суду необходимо будет продемонстрировать отращение в таких нормах требований справедливости.

Таким образом, разрешение спора *ex aequo et bono*, а значит использование иных параметров для разрешения спора, чем международное право,

допускается только с согласия спорящих государств. До сих пор в практике МС ООН не было ни одного случая такого согласия. По умолчанию же в основе решения МС ООН справедливость может лежать только в качестве части позитивного права. Это возможно, когда речь идет о применении принципа справедливости по смыслу ст. 38 1 с), либо если справедливость является элементом нормы (например, справедливое использование ресурсов, справедливая делимитация континентального шельфа, совместное пользование на справедливой основе выгодами и др.). В таких случаях конечной целью Суда является не установление справедливости в широком смысле, но уяснение значения требований нормы, предусматривающей справедливость. Разумеется, подобные формулировки предоставляют суду широкую дискрецию, однако постольку поскольку деятельность суда представляет собой толкование данной нормы, применение этой дискреции остается в рамках права.

Все сказанное касается справедливости с позиций ее применения в качестве основы для вынесения МС ООН решения по делу. Ограничение компетенции Суда в этом смысле само по себе не отменяет справедливости выносимых им решений на основе права. Однако рассуждения о справедливости как качества права и качества выносимых на его основе решений лежат за пределами данного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Francioni, F. Equity in International Law [Electronic resource] / F. Francioni // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. – 2016. – Mode of access: http://campus.unibo.it/180450/1/EPIL_Equity_in_International_Law.pdf. – Date of access: 21.06.2016;
2. Lowe, V. The role of equity in international law / V. Lowe // Australian Year Book of International Law. – 1989. – №4. – P. 54–81;
3. Броунли, Я. Международное право : в 2 кн. / Я. Броунли ; пер. с англ. канд. юрид. наук С. Н. Андрианова ; под ред. чл.-корр. АН СССР Г. И. Тункина. – М. : Прогресс, 1977. – Кн. 1. – 535 с.;
4. Evensen, J. Case Concerning the Continental Shelf (Tunisia v. Libyan Arab Jamahiriya) : Dissenting opinion of judge Evensen // The International Court of Justice Reports. – The Hague : I.C.J., 1982. – P. 264–309;
5. Case Concerning the Continental Shelf (Tunisia v. Libyan Arab Jamahiriya) : Judgment of 24 Feb. 1982 // The International Court of Justice Reports. – The Hague : I.C.J., 1982. – 80 p.